

**ЛОКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ МИРОВОГО ИТ:
О ВОСПРИЯТИИ ВРЕМЕНИ РУССКИМИ
ПРОГРАММИСТАМИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Ключевые слова: восприятие времени, исследования науки и технологий, региональная этнография, информационные технологии, миграция

На материале биографических интервью с программистами, проведенными в России (Владивосток, Казань), Финляндии (Хельсинки, Эспоо), Великобритании (Лондон), авторы рассматривают конструирование времени и его восприятие российскими ИТ-специалистами. Опираясь на работы, посвященные изменениям социотемпорального порядка в современном обществе, авторы находят соответствия между организацией труда ИТ-специалистов и описываемой в литературе логикой “быстрого капитализма”. Обширный эмпирический материал, анализируемый в статье, позволяет поставить под сомнение универсальность восприятия времени как ускоряющегося в профессиональной среде ИТ-специалистов. Авторы показывают вариативность и ситуативность практик обращения со временем, которые зависят от представлений о его эффективном использовании, разделяемых в конкретных социокультурных контекстах.

Размышления, которые мы представляем в статье, — это один из результатов проекта “Russian Computer Scientists at Home and Abroad”¹, посвященного российским ИТ-специалистам. Среди целей исследования был анализ причин их миграции за рубеж, а также того, как устроены “домашние” технические сообщества в некоторых регионах нашей страны. Проект реализовывался в 2013–2015 гг. и охватывал США, Францию, Финляндию, Великобританию, Эстонию и Израиль, а также Россию, где изучались локальные сообщества в Москве, Казани, Новосибирске, Томске и Владивостоке. При выборе кейсов мы стремились учесть разные географические контексты инновационной деятельности, рассматривая центральные, периферийные и приграничные регионы, особенности технологических рынков и условий их формирования. В многообразии собранных материалов нам удалось выделить сквозные сюжеты, которые, с одной стороны, отражают особенности локальностей, а с другой — подчеркивают единство исследуемой профессиональной группы. К таким сюжетам может быть отнесена и тема времени, его конструирования и восприятия российскими ИТ-специалистами, чему будет посвящена наша статья.

Алина Юрьевна Конгарева | <https://orcid.org/0000-0002-0609-8374> | akontareva@gmail.com | научный сотрудник НОЦ “Социально-политические исследования технологий” | Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия)

Александра Ильинична Масальская | <https://orcid.org/0000-0001-9845-1886> | amasalskaya@eu.spb.ru | независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

Лилия Владимировна Земнухова | <https://orcid.org/0000-0002-2938-3629> | l.zemnukhova@gmail.com | к. соц. н., научный сотрудник | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Начиная с 1990-х годов рабочее время и его трансформация оказались в центре внимания ряда работ, раскрывающих феномен “быстрого капитализма” (см., напр.: Agger 2004). С появлением новых технологий, социальных институтов и изменением повседневных практик время стало восприниматься как ускоряющееся (Rosa 2003), в чем исследователи видят черту поздней модерности (Rosa 2013; Nowotny 2015). Основываясь преимущественно на материалах, собранных в США, ученые говорят о компрессии времени и пространства, ускорении темпа повседневной жизни и размывании границ между работой и домом (Harvey 1990; Gleick 1999; Kreitzman 1999; Baxter, Kroll-Smith 2005; Agger 2004; Williams 2011). Современные условия труда характеризуются понятием мгновенности, т.е. необходимостью всегда быть на связи, работать быстрее и дольше положенного, делать больше за то же время (Williams 2011). Работа в ситуации дефицита времени приводит к его “уплотнению”, появлению многозадачности (Jacobs, Gerson 2004; Schwalbe 2015) и полихронности, т.е. вовлеченности в несколько видов деятельности одновременно (Gershuny 2000). Умение работать в режиме многозадачности становится критерием адаптивности и гибкости (Bluedorn 2002). В результате формируется представление об эффективности и продуктивности сотрудника, основанное на переработках, что приводит к занятости в т.ч. и за пределами отведенных часов (Schor 1991). Компании изобретают разные способы поощрения за дополнительное время, создавая привлекательные условия труда и вдохновляя людей работать дольше (Hochschild 1997). Таким образом, сотрудник перерабатывает, потому что сам этого хочет.

Организация труда ИТ-специалистов в целом соответствует логике “быстрого капитализма” и “ускорения”. Значимую роль в темпоральной организации труда рассматриваемой профессиональной группы играет характер деятельности. Вследствие распределенного характера разработки программного обеспечения специалисты могут находиться в разных пространственных и временных зонах — нет необходимости постоянно быть в офисе, появляется возможность работать дистанционно и по гибкому графику (Barley 1996; Barrett 2004). В результате специалисты стали считаться частью глобального сообщества, а мобильность — отличительной чертой профессии (Aneesh 2006; Kuptsch, Pang 2006; Saxenian 2007; Xiang 2007).

Подобная организация труда привела к тому, что координация проектов и синхронизация работы становятся актуальной проблемой управления в ИТ-индустрии. С одной стороны, рассматривается вопрос о том, как снизить издержки опосредованной коммуникации специалистов, находящихся в разных временных зонах и зачастую говорящих на разных языках (Sarker, Sahay 2004; Nordio et al. 2011; Kocaguneli et al. 2013; Nguyen-Duc et al. 2015; Alzoubi et al. 2016). С другой стороны, стоит задача эффективного использования ценного ресурса — рабочего времени сотрудников. Прагматизм в расходовании времени, которое программист тратит на выполнение задания, лег в основу моделей и методик управления проектами (среди которых наиболее известны *Agile* и *Waterfall*), контролирующих четкость процесса разработки программного обеспечения, способствующих пониманию роли каждого участника, а также высокой скорости выполнения заданий и обмена информацией.

Описанные представления о профессиональной среде ИТ-специалистов уже закрепились и транслируются в популярной культуре в качестве стереотипных. Однако тезис о глобальности ускорения требует эмпирических подтверждений и более глубокого анализа: как именно происходит ускорение времени, как оно проживается и в чем заключается (Wajcman 2008, 2015; Rosa, Scheuerman 2009)? Кроме того, в существующей литературе не учитываются видение самих программистов и их представления о рабочем и личном времени. Целью нашего исследования стало изучение на материалах интервью с ИТ-специалистами общих универсальных и локальных представлений о времени.

Методология исследования. Материалом для статьи послужили биографические интервью с русскоговорящими специалистами сферы ИТ из России (Владивосток, Казань), Финляндии (Хельсинки, Эспоо) и Великобритании (Лондон)². Для упрощения навигации в большом количестве данных результаты исследования анализируются на примере нескольких кейсов. Мы предпочли уйти от описания ожидаемых локаций, таких как Кремниевая Долина или Бостон, поскольку им посвящено большое количество академической литературы (*Saxenian* 1996; *Kenney, Patton* 2006 и др.). В результате были выбраны четыре кейса, наиболее отличающиеся друг от друга. Разнообразие контекстов, способных оказать влияние на представление о времени в каждом конкретном случае, позволяет нам не только находить сквозные сюжеты, но и анализировать их вариативность.

В каждом кейсе было собрано от 16 до 40 интервью, построенных вокруг профессиональной биографии информантов (разработчиков программного обеспечения и руководителей проектов) и затрагивающих вопросы выбора профессии, полученного образования, смены мест работы и пр. За исключением нескольких женщин-программистов, принявших участие в исследовании, наши информанты — мужчины в возрасте 23–50 лет, разного семейного статуса, что, безусловно, влияет на спектр возможностей обращения со временем³. При работе с материалами сначала мы проводили открытое кодирование транскриптов интервью в каждом конкретном кейсе, после чего определялись повторяющиеся сквозные коды, которые анализируются во всех четырех.

Структура гайда биографического интервью, сфокусированного на профессиональном становлении, во многом предопределила контекст рассуждений о времени. Особое внимание информанты уделяли рабочему времени, его соотношению с личным, организации рабочего пространства и рабочей этике. Чаще всего эти эксплицитные размышления связаны с описанием нового для информантов профессионального и личного опыта, что особенно заметно в ситуации миграции и в случае перемены условий занятости. Тема времени также актуализируется в моменты рассказа об этапах профессионального и жизненного пути, которые структурируются важными для информантов рубежами.

Изложение эмпирического материала открывается описанием кейса Владивостока, в котором географические условия задают наиболее жесткую рамку обращения со временем. Далее мы перейдем к регионам, в которых практики обращения со временем имеют другую природу. Поскольку временной аспект неразрывно связан с географией, при изложении эмпирического материала мы будем опираться на два понятия, которые используются в профессиональной литературе ИТ-сферы: *near-shore*, т.е. близко расположенные, соседние офисы, и *offshore*, т.е. дальние офисы (*Carmel, Agarwal* 2001). Эти понятия применяются для описания координации проектов по разработке программного обеспечения и для проблематизации географической и временной дистанции между офисами. В нашей работе они позволяют проследить, как соседство и удаленность конструируются в каждом конкретном случае.

Владивосток: борьба со временем и последствия “неудобного часового пояса”

Значительная географическая удаленность Владивостока от центральных регионов России оказывает заметное и неоднозначное влияние как на развитие местного ИТ-рынка, так и на восприятие времени работающими в этой сфере. Разница в семь часов с Москвой и отсутствие доступного прямого транспортного сообщения с российскими региональными центрами существенно снижают возможности развития совместных проектов и обмена опытом среди ИТ-специалистов: “То, что надо далеко лететь, — это серьезная проблема, потому что билеты достаточно дорогие,

и поэтому мы как бы изолированы немножко, и это подталкивает нас к сотрудничеству, скорее, с соседними государствами” (ПМА 1: М. 25, разработчик).

Приграничное положение Владивостока способствовало налаживанию контактов местных специалистов в первую очередь с компаниями Азиатско-Тихоокеанского региона, которые открывали свои офисы в Приморье для продвижения вглубь азиатской части России. В первой половине 2000-х годов одним из главных стимулов для развития экономики Дальнего Востока был импорт поддержанных автомобилей из Японии. Многие ИТ-компании Владивостока начинали свою деятельность с разработки платформ электронной коммерции и сайтов для фирм, торгующих японскими машинами и запчастями. Этот тренд, позволявший преодолевать географические и временные ограничения, определил вектор развития приморского бизнеса (*Masalskaya, Vasilyeva* 2019). Кроме того, наиболее впечатляющих успехов приморские ИТ-компании добились в области разработки компьютерных игр, низкоуровневого и веб-программирования. Для продвижения этих направлений необходимы ориентация на глобальный рынок ИТ и строгое следование международным стандартам в разработке, что определило особое внимание местных компаний к обучению персонала. Уникальность условий труда программистов Владивостока и обсуждение темы времени проблематизируют вопрос освоения профессиональных компетенций.

“Неудобный” часовой пояс и компрессия времени. “Неудобный” часовой пояс принято считать одной из местных особенностей. Его влияние оказывается существенным еще на этапе обучения и профессионализации, важной частью которой является участие в международных соревнованиях по программированию:

Местная специфика <...> через все мое обучение в университете и в школе проходит одно-единственное соображение, что мы живем в другой временной зоне от Москвы, это как бы вроде банально, но это приводит к тому, что все соревнования, которые в удобное время для Москвы, они в неудобное время для нас, и начинаются всякие проблемы. Мы живем в таком часовом поясе, что вот, например, организуют соревнования, которое удобно писать в Калифорнии или в Нью-Йорке, или в другое время — когда это удобно писать в Европе или в Москве, и нет такого времени, когда это удобно писать во Владивостоке. Обычно соревнования проходили в два и в три часа ночи, ну и, в общем-то, на втором-на третьем курсе, да и вообще все время, пока я был студентом, у меня хватало мотивации, интереса, для того чтоб вставать в три часа ночи и писать контесты (от англ. contest — соревнование. — *Примеч. авт.*) (ПМА 1: М. 26, разработчик, преподаватель).

Навыки преодоления “неудобного” часового пояса осваиваются в комплексе с другими профессиональными техниками обращения со временем. Прежде всего речь идет о дисциплине труда (надо сидеть и писать код постоянно), а также о навыках компрессии времени, которые мы рассмотрим подробнее.

Одним из критериев успешности не только подготовки к соревнованиям, но и профессиональной подготовки программистов в целом оказывается умение решать задачи быстро:

В любом случае нужна просто нарешенность. И как только ты нарешаешь — их может быть там двести, триста разных типов задач, — ты уже “на автомате” решаешь. Тебе нужно знать алгоритмы, нужно быстро уметь уже программировать, нужно хорошо соображать, конструкции строить в голове. Это вот очень хорошо оттачивает твое программистское мастерство. Ну, и как бы заставляет быстро думать (ПМА 1: М. 28, разработчик, преподаватель).

Позже на этапе трудоустройства умение “думать быстро” как способ компрессии рабочего времени оказывается одним из необходимых качеств. От соискателя ожидают, что он способен интенсивно и сосредоточенно работать над решением сложной задачи при умеренных временных затратах:

Мы набираем новых сотрудников, у них очень тяжелое входное задание. [Это] задание тестовое у нас делает очень мало людей, я бы, наверное, сказал, что один из шести-семи кандидатов <...> Тестовое задание у нас — написать мини-игру. То есть мы даем неделю не из соображения, что человек будет всю неделю впихивать, а из соображений, что за неделю он найдет-таки полдня или день, чтобы написать вот мини-игру. Даем подробное описание, и люди делают, ну, кто как может (ПМА 1: М. 29, разработчик).

Примечательной здесь является степень свободы соискателя в обращении со временем, отведенным на выполнение тестового задания. Свобода распоряжения своим графиком и вариативность в распределении рабочего времени, часто приводящая к переработкам, сохраняются и после успешного трудоустройства. Одной из причин гибкой занятости является распространенность практики работы по совместительству. Во Владивостоке она часто организована сообразно рабочему ритму других часовых зон, когда работа по фриланс-модели выполняется ночью или рано утром. Оставшиеся свободными дневные часы в таком случае тратятся на местные проекты или преподавание в университете.

Опыт ежедневного преодоления “неудобного” времени определяет стремление использовать его максимально эффективно. Наследуется оно из практики участия в международных соревнованиях, когда происходит освоение ситуации вторжения периодов “рабочего времени” в приватное, в т.ч. отводимое для сна. Не менее важно влияние модели настраиваемого рабочего графика на местную систему профессиональной подготовки программистов, высокий уровень которой удалось сохранить благодаря широкому привлечению к преподаванию практикующих разработчиков:

У меня так вышло, что не было у меня времени, когда я работал, занимался бы чем-то одним. Я одновременно либо учился-работал, либо преподавал и работал, либо работал на двух работах, либо на трех работах. То есть параллельно все это шло, потому что и здесь хочется, и там хочется (ПМА 1: М. 34, разработчик, предприниматель).

“Временное соседство”. Приграничное положение Владивостока задает вектор поиска международных партнеров. Однако примеры долгосрочного сотрудничества с ближайшими географическими и временными соседями — Китаем, Японией и странами Юго-Восточной Азии немногочисленны, успех небольших совместных проектов, как правило, не становится началом масштабного взаимодействия. В качестве личного выбора продолжения карьеры азиатские страны в большей степени рассматриваются как своеобразный “запасной вариант”, не самый желанный, но самый близкий из возможных направлений миграции. Китайский рынок оказывается закрытым, поскольку полностью обеспечен собственными специалистами. Высокотехнологичные предприятия Южной Кореи в наиболее кризисные с экономической точки зрения 2009–2010 гг. стали одним из заметных направлений миграции владивостокских программистов, однако массовых отъездов не последовало. Существенным препятствием для этого оказалась специфика корпоративной культуры азиатских компаний, информация о которой распространяется благодаря связям с уехавшими соотечественниками: “...в некотором смысле это, наверно, напоминает социалистические государства, да. Потому что ты продаешься на всю жизнь компании, ты делаешь все, что там тебе прикажут, независимо от того, хочешь ты не хочешь, умеешь не умеешь, не важно” (ПМА 1: М. 37, разработчик, преподаватель). Система пожизненного найма с обязательным последовательным прохождением всех ступеней начальной иерархии в зависимости от выслуги лет воспринимается как диаметрально противоположная принятым в российском ИТ карьерным стратегиям:

...для программиста это просто контр-, это против всего, чему мы всю жизнь, так сказать, обучались и как старались в работе <...> Вот есть метапрофессии, в том числе программист... ты должен быть специалистом в любой предметной области. Это одно из основных челенджей (от англ. challenge — трудность. — *Примеч. авт.*), препятствий, но это же и одно из основных преимуществ. Это означает, что ты имеешь возможность, не меняя набора компетенций своих, заниматься чем угодно (ПМА 1: М. 37, разработчик, преподаватель).

Избегание длительных трудовых обязательств ради потенциальных и, возможно, лучших шансов оказывается частью представлений о том, что значит быть программистом.

Для ИТ-компаний Владивостока, ориентированных преимущественно на работу по аутсорс-модели, наиболее приоритетными оказались проекты сотрудничества с американскими и европейскими компаниями. Местные компании стараются использовать преимущества трансграничного положения Владивостока, представляя его как “самый восточный город с западной культурой” и предлагая себя в качестве проводников на рынки загадочных восточноазиатских соседей⁴. В этом случае локальными преимуществами оказываются осведомленность о деловых обычаях азиатских партнеров и “общий” с ними часовой пояс. Весьма характерно, что реальная разница во времени — два часа с Китаем и час с Южной Кореей и Японией — не воспринимается как существенная. Кроме того, для некоторых проектов достаточной оказывается синхронизация работы в утренние часы, когда рабочее время во Владивостоке и на западном побережье США совпадает.

Для более чувствительных к синхронной разработке технически сложных проектов необходимо сочетание удаленной работы *offshore* с тесными контактами *nearshore*. Примером решения этих проблем может служить опыт одной из наиболее заметных владивостокских компаний:

Трехмесячные командировки [в США] были стандартные. То есть человек улетает на три месяца, выполняет там какие-то задачи, на месте взаимодействуют с командами, которые там сидят, потом ему на смену летит другой человек, они пересекаются примерно на неделю, за которую он передает дела своему сменщику и улетает домой. Мы таким образом менялись, одновременно там находилось в лучшие годы до 20 человек. Люди из разных команд, с разными задачами, на разных должностях (ПМА 1: М. 34, разработчик, предприниматель).

Географическую удаленность и изолированность приходится преодолевать, расширяя “временное окно” для коммуникации с помощью личного присутствия представителя отдела разработки.

Ситуация “неудобного” часового пояса формирует навык постоянного контроля эффективного использования времени, исходя из которого выстраиваются карьерные стратегии, выбираются режимы занятости и обосновываются направления сотрудничества для местных ИТ-компаний.

Казань: столице — столичное время

Казань, столица Республики Татарстан, находится в одной временной зоне с Москвой, несмотря на астрономическое расхождение в 40 минут. В Татарстане периодически поднимаются дискуссии о том, что эта разница существенна, и появляются петиции, призывающие местные власти рассмотреть вопрос о смене часового пояса. Часть аргументов основана на рационализации использования светового дня как потенциала, который на данный момент растрачивается нерационально: “...народ одного из самых передовых и значимых регионов нашей большой Родины обделен таким важнейшим и в то же время абсолютно бесплатным ресурсом — дневным

светом”, и “множество световых часов пропадает впустую”⁵. В числе экономических аргументов приводят убытки в туристической сфере, завышенные счета за электроэнергию, а также несоответствие рабочих графиков и светового дня. Авторы петиций призывают равняться не на Москву, а на соседей Татарстана, у которых часовой пояс соответствует географическому⁶.

Однако для региональной элиты — бизнеса и властей Казани — важно жить по московскому времени, которое, помимо прочих, можно считать еще одним способом выстраивания локальной идентичности Татарстана как столичного, передового региона (*Kontareva* 2019). Общее время и близкое географическое положение служат аргументами в пользу ценности Казани в качестве *nearshore* для Москвы и транслируются как стратегическое преимущество Татарстана, поскольку общий часовой пояс снимает ситуацию преодоления разницы во времени и позволяет синхронизировать процессы между двумя столицами — страны и республики.

Конструирование образа Казани в качестве *nearshore* актуально и для местной ИТ-индустрии, где многие компании занимаются выполнением госзаказа, координируемого в т.ч. Москвой. О наличии значительного сектора экономики Татарстана, ориентированного на госзаказ, свидетельствуют биографические интервью с местными программистами: работа в госсекторе является распространенным этапом их профессиональной траектории (*Kontareva* 2015). Нахождение в “столичном” часовом поясе нескольких офисов разработки снимает вопрос согласования рабочих графиков для большинства казанских ИТ-компаний. Кроме того, одна временная зона с Москвой и наличие налаженного транспортного сообщения создают у информантов ощущение близкой расположенности двух городов, превращая их в “географический центр России”:

...раньше я почти каждые выходные ездил Москва—Казань. <...> У нас удобно, у нас ночь на поезде, у нас как в Питер <...> Практически время не теряется, поэтому можно ездить, даже если боишься летать. Ну и вообще, это более бюджетно. У меня такой опыт уже был Казань—Москва, я даже не разделяю географически. Центр России. По нашим российским меркам — это города-соседи, хотя в Европе, там три страны поместятся между Казанью и Москвой. В разных странах жили бы (ПМА 2: М. 28, разработчик).

Несмотря на то что перелет от Казани до Москвы составляет полтора часа, эта дистанция оценивается как несущественная по сравнению с расстояниями между столицей и другими крупными городами. Восприятие пространства как близкого позволяет включать московские офисы разработки, до которых “лететь всего два часа”, в сети сотрудничества. В результате синхронизации времени со своими стратегическими партнерами и заказчиками на высшем уровне координация рабочего времени перестает быть повседневной проблемой для наших информантов, что и предопределяет их восприятие времени и пространства.

“Работа на Запад”. В личных нарративах время актуализируется в случаях сотрудничества с зарубежными офисами разработки:

...это был один из проектов, где мы работали напрямую с американцами <...> мы там росли, при этом мы с интересом работали и порой до 15 часов в день, то есть практически приходили домой, продолжали коммуницировать, из-за разницы во времени у нас как раз начинались митинги (от англ. meetings — встречи. — *Примеч. авт.*), потому что они там — Сиэтл, 12 часов разница, и, соответственно, девять-десять вечера я выходил на связь с моим проджект-менеджером, заказчиком в Америке, и, соответственно, мы получали новые задания и обсуждали сделанное за день, это было очень здорово (ПМА 2: М. 30, разработчик).

В этом случае разработчики вынуждены переходить на гибкий график, подстраиваясь под заказчика. Поскольку работа в таких зарубежных проектах отличается

от работы в российских компаниях, новый опыт описывается и переживается информантами иначе. Выбивающаяся из привычного ритма интенсивная деятельность по разработке ПО кажется более интересной, что приводит к смещению времени — рабочего и личного.

Информанты, имеющие опыт взаимодействия с условными иностранными заказчиками, также говорят о разнице в корпоративной культуре, которая заключается в более эффективном распоряжении рабочим временем на Западе:

есть доска, на которой такая-то задача назначена на меня, у меня есть приблизительно два дня на ее разработку. Я ее завершаю, приступаю дальше к следующей задаче. То есть заказчик все понимает, и, соответственно, работать с иностранными заказчиками в этом плане намного проще, потому что они сами придерживаются подобного формализма. Понятно, что где-то сроки немножко срываются, какие-то сдвиги бывают, но они, по крайней мере, предсказуемы (ПМА 2: М. 30, разработчик).

Работа в российских компаниях описывается, с другой стороны, как слабо структурированная, что приводит к задержкам сроков: “Зачастую там сначала говорят: мы сделаем это за год, в итоге проходит два года без разработки, и все равно не завершён проект, либо какие-то сорванные там планы” (ПМА 2: М. 30, разработчик). Практики переработок и присутствия на работе в выходные дни часто воспринимаются информантами как некомпетентность сотрудников и компании в целом.

Схожие наблюдения мы находим в интервью с сотрудниками научной лаборатории в области информатики одного из университетов Казани. Команда программистов выполняет работу для зарубежной ИТ-компании и одновременно проводит исследования при поддержке российского гранта. По словам информантов, проектам уделяется равное количество рабочих часов, но временные затраты отличаются качественно. Если научные фонды в нашей стране, финансирующие исследования, требуют отчет один раз в конце года, то взаимодействие с зарубежными компаниями строится иначе:

С ними более интенсивная работа, раз в неделю у нас происходит скайп (звонки с помощью программы Skype. — *Примеч. авт.*), и мы сверяем часы, рассказываем о том, что они сделали, что мы сделали. Как это можно дальше куда-то интегрировать, куда дальше двигаться и т.д. То есть тут более динамичная получается работа (ПМА 2: М. 30, старший научный сотрудник).

Корпоративная культура зарубежных компаний открывается российским специалистам в особом рациональном использовании времени, в необходимости “сверять часы”: получать обратную связь, синхронизировать коммуникацию между сотрудниками.

Новая инфраструктура — новое время. Еще одним сюжетом, в связи с которым возникает тема времени, является работа информантов в новых для Казани офисных пространствах, которые можно назвать “инновационной инфраструктурой”. Под ней понимаются ИТ-парки, технопарк “Идея” и масштабное строительство г. Иннополиса, в котором находится одноименный технический университет и который объявлен особой экономической зоной. Эти проекты не только отличаются своим архитектурным обликом, но влекут за собой новый опыт переживания времени. Если знакомые места ассоциируются с рутинными практиками, где время монотонно и неспешно, то в новом ИТ-парке “все время что-то происходит”: “...сюда постоянно кто-то приезжает. Сегодня здесь даже что-то проходит <...> Это просто такой постоянный поток, за которым просто невозможно уследить” (ПМА 2: Ж. 24, руководитель проектов). ИТ-парк, построенный в 2009 г., информанты описывали как единственное офисное здание в городе, создающее современные условия для работы. Современность, по их мнению, заключается в особой планировке простран-

ства, наличии красивых лифтов, быстрого интернета и таких мелочей, как вкусный кофе, — все это в результате позволяет иначе воспринимать рабочее время:

...могу сказать, что здесь не чувствуешь какой-то тяжести от рабочего процесса <...> Я спокойно работаю там по 10 часов в сутки, я не напрягаюсь. Мне не сложно, потому что мне это нравится, я знаю, что это не завод, да? Здесь все намного демократичнее, легче, как-то воздушнее, я не знаю, просто атмосфера сама такая (ПМА 2: Ж. 24, руководитель проектов).

Это еще одно подтверждение тому, что привлекательные условия труда побуждают сотрудников работать сверх установленных часов и могут приводить к смещению личного и рабочего времени (*Hochschild 1997*).

Хельсинки—Эспоо (Финляндия): рационализация личного и рабочего времени

Отличительной особенностью интервью с программистами, приехавшими в Финляндию, оказываются их рассуждения о качественно другом образе жизни. Нельзя с уверенностью сказать, что новые ценности и иная рабочая этика становятся целью миграции этой группы специалистов. Скорее, все это они открывают для себя уже после переезда и трудоустройства, а иной образ жизни используют для объяснения мотивов смены местожительства постфактум, “чтобы придать смысл собственному опыту на новом месте” (*Shatokhina 2019*). Причиной переезда в первую очередь служит высокий уровень зарплат и спрос на навыки и квалификацию информантов за рубежом (это является и показателем более развитого технологического рынка).

Большинство специалистов, выбравших Хельсинки или Эспоо, жили в приграничных городах, таких как Санкт-Петербург, Петрозаводск и Мурманск, и уже имели контакты в Финляндии. Транснациональная компания “Nokia”, производящая потребительскую электронику и оборудование, была наиболее популярным и зачастую первым местом работы информантов в новой стране. Для многих переезд в Финляндию выглядит как наименее рискованный и радикальный вариант миграции за рубеж. Это возможность улучшить качество жизни, не теряя связи с родственниками и друзьями. Незначительная географическая удаленность нового места жительства и несущественная разница во времени (один час с Москвой и Петербургом) позволяют поддерживать коммуникацию с оставшимися в России:

У нас же в Питере у обоих родители, бабушки, дедушки. <...> Сейчас вот можно сесть — раз, два часа туда на Аллегре и обратно два часа, и все. А вот в Австралию так не съездишь (ПМА 3: М. 33, разработчик).

...я бы не сказал, что я так сильно чувствую, что я из России очень сильно уехал, я через пять часов могу в России оказаться в любое время и в Питер регулярно езжу (ПМА 3: М. 34, разработчик).

Представление о близком расположении двух стран связано с доступностью средств коммуникации.

“Skype”, “ВКонтакте”, в основном это почта, да, иногда по телефону просто позвонишь. Ну, средств для связи достаточно <...> а жена, она может несколько раз в неделю поговорить. И даже несколько раз в день в некоторые дни, какие-то вопросы, договориться о чем-то, там, обсудить что-то. Никакой проблемы в этом нет (ПМА 3: М. 35, разработчик).

Информанты говорят о возможности спонтанных, незапланированных недорогих звонков домой с помощью мобильных телефонов. Близкое расположение новой

страны и временное соседство позволяют уделять время семье, что становится одной из причин выбора Финляндии как места жительства.

Оптимизация временных ресурсов. В интервью программисты делают особый акцент на опыте, связанном с новыми условиями проживания. При сравнении Хельсинки, столицы Финляндии, с российскими мегаполисами информанты подчеркивают разницу временных затрат: "...все очень близко получается. В Питере я помню, там я всегда закладывался на то, чтобы там доехать куда-то — это полтора часа. Это вот все сложить, и такое чувство дискомфорта получается" (ПМА 3: М. 32, продакт-менеджер). Легкость в пересечении городского пространства связана с доступностью общественного транспорта и выделением для него линий, в результате чего Хельсинки не воспринимается как столичный город.

Мотив оптимизации временных ресурсов виден в описаниях переезда и адаптационного периода в новой стране. В качестве примера программисты приводят взаимодействия с местной бюрократией при трудоустройстве, оформлении таможенных документов на ввоз машины из России, прохождении учебы для получения водительских прав, определении ребенка в детский сад и т.п. В каждом из этих случаев информанты делают особый акцент на наличии четких и прозрачных правил, которые позволяют эффективно расходовать личное время: "Если правило, то вот так вот оно и будет работать" (ПМА 3: М. 33, разработчик), "...никаких стояний в очередях, гонок с этими бумажками по инстанциям, ничего, то есть это было настолько приятно по-человечески, что просто слов нет" (ПМА 3: М. 35, разработчик). Кроме того, по мнению информантов, прозрачность и предсказуемость административных процедур снижают уровень стресса от взаимодействия с чиновниками и службами контроля: "...все решается очень быстро", "...меньше какого-то беспокойства" (ПМА 3: М. 34, разработчик), "...тут такая размеренность, определенность и какая-то вот такая расслабленность" (ПМА 3: М. 33, разработчик).

Время рабочее и личное. В Финляндии программисты сталкиваются с корпоративной культурой, которая отличается от принятой в российских компаниях:

...пунктуальные — это все, да. То есть у меня были проблемы в первые несколько месяцев работы, что я не сразу на почту отвечал. Несколько раз начальник вызывал на ковер: "Что же у тебя уже полчаса письмо в ящике лежит, а ты не ответил до сих пор?!" "Ой, я забыл почтовый клиент открыть!" Ничего, привык (ПМА 3: М. 33, разработчик).

Затягивать рабочий день или сдвигать его на позднее время, например, начиная работу после полудня, не принято. Также не приветствуются переработки и "авральная работа": «...очень хорошо помню, что я засиживался на работе очень допоздна. А здесь [в Финляндии] не очень принято сидеть. Раньше приходят, раньше уходят. Нет такого, что "я молодец, я дольше посидел"» (ПМА 3: М. 33, разработчик). Даже при наличии плавающего графика программисты стараются отработать свои часы в отведенное для этого время, поскольку существует четкое деление на время рабочее и время личное:

...народ знает, условно говоря, что в шесть вечера детские сады закрываются <...> Если ты говоришь, что я уйду в полшестого, все совершенно с пониманием относятся. Никаких вопросов ни у кого не возникает. В частности, из-за этого очень просто тут все организуется. Если очень надо, то я могу вечером вылезти в Интернет, взять рабочий компьютер домой, что-то еще делать" (ПМА 3: М. 32, продакт-менеджер).

В случаях международного сотрудничества для синхронизации действий находится несколько пересекающихся рабочих часов, что позволяет не нарушать привычный график и не сдвигать его. Одной из причин строгого соблюдения такого

режима является оговоренная контрактом значительная компенсация за сверхурочные часы.

Четкое разделение времени на рабочее и личное формирует представление о более сбалансированном подходе к жизни и профессиональной деятельности, который привлекает специалистов в страну. Финляндия и — шире — Европа противопоставляются в отношении условий занятости другим странам благодаря иному отношению ко времени: "...это, в частности, одна из причин, почему я не очень хотел бы вернуться в Россию. Потому что здесь гораздо проще найти баланс. В Европе. Почему я не хотел бы поехать, скажем, в Штаты. Потому что здесь гораздо проще найти баланс этот вот: между жизнью и работой" (ПМА 3: М. 32, продакт-менеджер).

Соблюдение баланса между личным и рабочим временем — один из способов борьбы с "быстрым капитализмом", в чем мы видим специфику корпоративной культуры финских компаний. Уважение к чужому времени, оптимизация времени как ресурса становятся отличительными чертами образа жизни российских программистов в Финляндии.

Лондон: от "временного трамплина" к постоянной визе

Лондон — "глобальный" город, где пересекаются потоки капиталов, товаров, технологий и знаний. Российские программисты переезжают туда, чтобы работать в одном из самых высокооплачиваемых секторов мирового ИТ-рынка — в сфере финансов. Здесь сталкиваются и сосуществуют разные режимы работы: от офисных часов в банках до круглосуточного доступа к рабочему месту и максимально комфортных условий труда в технологических корпорациях. Отличительной особенностью в обращении со временем программистов в Лондоне становится соотнесение разных темпоральных перспектив, которые определяются контекстами миграции и временной занятости, а также практиками локального профессионального сообщества.

Миграция — время ожидания. Основная волна профессиональной миграции в Лондон связана с программой привлечения высококвалифицированных специалистов 2002 г. — *Highly Skilled Migrant Program, HSMP* (подробнее см.: Земнухова 2015). Изначально условия были таковы, что после четырех лет проживания в Британии программисты могли получить вид на жительство (*Indefinite Leave to Remain, ILR*), а после пяти — гражданство. По мере реализации программы сроки сдвинулись на год, превратившись в пять и шесть лет соответственно. Этот период оказывается значимым для принятия решения о дальнейшем профессиональном пути: "Пока у меня в Британии нормально, есть планы досидеть здесь до получения постоянной визы и гражданства, а там я, может быть, подумаю о смене работы или смене ПМЖ. Там будет уже веселей. Сейчас, конечно, работу менять будет достаточно сложно" (ПМА 4: М. 32, разработчик).

Время ожидания гражданства воспринимается как этап профессиональной деятельности, инвестиция в будущее, а с географической точки зрения — возможность карьеры в новых странах и обстоятельствах. Идея получения британского паспорта часто сопровождается планированием последующей миграции и капитализации мобильности:

То есть принципиально, почему нужно гражданство? По простой причине: если ты когда-либо захочешь работать в Европе, Америке, Индии, Китае, особенно в Шанхае, Австралии, британский паспорт точно не помешает. И в плане свободы передвижения все то же самое: опять же, с русским они очень хорошо друг друга дополняют. Русский покрывает всю Южную Америку, Казахстан и прочее, а британский покрывает все остальное. То есть это важно, чтобы потом был выбор (ПМА 4: М. 31, разработчик).

Примечательно прагматичное отношение информантов к британскому паспорту как “встроенной” визе, позволяющей не тратить время на оформление дополнительных документов. На этапе ожидания географическое расположение Британии воспринимается как преимущество в отношении быстрого перемещения: “...здесь ты можешь сесть в поезд и через два часа ты в Париже” (ПМА 4: М. 39, разработчик). Близкая Европа представляется пространством, где время расходуется эффективнее благодаря мобильности.

Таким образом, годы ожидания у приехавших в Лондон программистов оказываются подготовительным этапом в построении дальнейшей профессиональной карьеры, “временным трамплином”. Сначала пяти-, а затем шестилетний период ожидания предполагает относительно стабильную работу и спокойную жизнь на одном месте. Для некоторых информантов это становится поводом снять в долгосрочную аренду или приобрести жилье или же стать молодыми родителями. Однако для большинства это время, когда можно поменять несколько мест работы и попробовать себя в разных проектах, тем самым стремительно повысить свою квалификацию, а значит, и конкурентность на глобальном рынке труда.

Время контрактера. Одним из ключевых темпоральных измерений становится режим занятости — либо постоянный, либо временный (контрактный). Постоянная позиция предполагает штатную ставку, стабильную карьеру в компании, полный социальный пакет, ответственность работодателя в отношении правовых и налоговых аспектов. Такие позиции специалисты занимают преимущественно в ИТ-корпорациях. И хотя в этом случае они выполняют задачи, диктуемые компанией, приветствуется занятость программистов в проектах, которые выбираются ими исключительно из собственных интересов:

Есть 20%-й проект: 80% [рабочего времени] тратишь на свой основной проект, к которому ты приписан, 20% ты тратишь на что угодно. <...> Это может быть какая-то другая задача по текущему проекту, там, задача по другому проекту, то есть может быть свой какой-то проект... а может быть не знаю, поддержка openource community какого-то в твоей стране (ПМА 4: М. 32, разработчик).

В результате сотрудники ИТ-корпораций имеют возможность на рабочем месте периодически менять свою деятельность, внося в нее значительное разнообразие.

Тем не менее подавляющее большинство российских ИТ-специалистов предпочитают делать выбор в пользу “контрактера” — временной позиции технического консультанта без социальных гарантий, но с возможностью менять проекты и работодателей. Такой статус сопровождается самостоятельным решением юридических и бухгалтерских вопросов, рисками длительного безработного периода и необходимостью каждый раз подстраиваться под рабочий график новой компании. Вместе с тем контрактная занятость остается наиболее привлекательной с точки зрения дохода и возможности распоряжаться своим персональным временем:

[Контракты] обычно на два года сразу не предлагают, обычно тебе предлагают на шесть месяцев, потом просто продляют. Есть в этих же командах есть люди, которые на постоянной работе, они там работают годами, просто на много задач им нужны люди, на решение какой-то задачи. Как контрактники делают? Они работают полгода или год, а потом там на несколько месяцев уезжают в отпуск. А когда ты работаешь постоянно, у тебя в течение года есть предполагаемый отпуск. А если у тебя год контракт, то ты можешь взять отпуск на неделю, но ты за этот отпуск потеряешь такое количество денег, что тебе просто [невыгодно] (ПМА 4: М. 31, разработчик).

Именно контракты позволяют расширять профессиональный опыт за счет работы в мультинациональных командах, накапливать навыки межкультурной коммуникации и при этом избегать карьеры в сфере управления ИТ-проектами. Неопре-

деленности контрактной работы связаны с необходимостью вкладывать дополнительные временные и финансовые ресурсы в поиск следующего проекта. В целях экономии личного времени программисты обращаются к рекрутинговым агентствам, которые особенно популярны в Лондоне:

Система здесь такая, что здесь есть куча организаций <...> рекрутинговые агентства. Ты на них выходишь, попадаешь на какую-то вакансию, они говорят: “Ой, как замечательно! А давайте мы сейчас проведем вам тестик технический, давайте посмотрим, что вы умеете”, — и потом начинают тебе сами слать вакансии (ПМА 4: М. 31, разработчик).

Они стыкуют спрос и предложение, обеспечивая постоянный поток и ротацию временных работников и освобождая им личное время.

Точки синхронизации. Поскольку большинство русскоязычных программистов в Лондоне находятся в схожих условиях ожидания визы и временной занятости, отличают и объединяют этих специалистов практики использования личного времени, которые тесно связаны с локальным профессиональным сообществом. Совместные ланчи русскоговорящих сотрудников разных банков стали узнаваемыми повседневными практиками: “...на обед выходили конкретно этой компанией все время... В [другом] банке то же самое, еще до того, как я туда устроился, они ходили к нам на обеды из [другого] банка, потому что были знакомые знакомых, и, когда перешел туда, соответственно, тоже к ним влился” (ПМА 4: М. 31, разработчик). Эта традиция была инициирована коллегами-программистами изначально для “своих”, а через несколько лет место (и время) встречи стало точкой притяжения как бывших сотрудников этого банка, так и вновь прибывающих русскоязычных коллег. Другая подобная ИТ-традиция — это еженедельные встречи в одно и то же время в одном и том же месте на протяжении уже более десяти лет. Сохранять и поддерживать практики локального сообщества позволяют географическая близость и концентрация ИТ-специалистов в двух ключевых финансовых районах Лондона. Для некоторых программистов эти встречи становятся “якорями” стабильности и необходимым элементом рутины: “Формат очень расслабленный. На эту встречу я уже не помню, как я туда попал, знаешь, с тех пор как... привыкаешь к чему-то, оно как будто всегда в твоей жизни было и все” (ПМА 4: М. 28, системный администратор). Подобные точки синхронизации стали ключевой характеристикой русскоязычных профессионалов в Лондоне и неотъемлемой частью жизни иммигрантов-контрактеров, они способствуют укреплению социальных сетей приезжих ИТ-специалистов. В условиях гибкой занятости такое коллективное времяпрепровождение требует значительных индивидуальных усилий и координации личных графиков, потому приобретает дополнительный символический смысл.

* * *

В каждом из рассмотренных кейсов мы можем выявить универсальные и локальные представления о времени. Лейтмотивом биографических интервью с ИТ-специалистами стала необходимость постоянного развития карьеры, которую программисты выстраивают исходя из собственного понимания эффективного использования времени⁷. “Эффективность” подразумевает гибкость в обращении со временем и географическую мобильность.

Представление о рабочем времени как ускоряющемся и характерные практики — многозадачность, компрессия времени, смещение графиков работы, а также переработки — становятся средством карьерных и профессиональных достижений.

Это отражается в коротком горизонте планирования и самостоятельном выборе режима деятельности, т.е. наиболее выгодных условий для дальнейшего развития и продвижения.

Использование возможностей настраивания графика и переработок — личная стратегия эффективности в конкретных экономических условиях. На примере кейсов Лондона и Владивостока мы можем предположить, что гибкая занятость и ненормированный рабочий день, скорее, характерны для ситуации высокой конкуренции. В поиске лучших шансов информанты выбирают непривычные для региона форматы профессиональной деятельности и жертвуют своими сложившимися графиками, подстраиваясь под “чужое” время заказчика. В наиболее радикальных вариантах специалисты, занятые в аутсорс-проектах, работают в режиме, который принято называть “виртуальной миграцией” (Aneesh 2006). Исключение составляют случаи промышленной разработки, в которых крупные компании берут на себя задачу согласования и синхронизации графиков.

Выбор направления миграции определяется возможностями конкретного места и условиями трудоустройства, такими как участие в передовых проектах и разнообразие вариантов занятости. Представление о месте в рамках “географии возможностей” стирает в воображении информантов границы между странами, сглаживает их реальную территориальную удаленность и выводит на первый план быстроту перемещений. Близкое расположение по отношению к другим странам (в комплексе с развитой транспортной инфраструктурой и безбарьерной мобильностью) становится аргументом в выборе направления миграции.

Однако общекультурные и разделяемые ИТ-специалистами представления о скорости, насыщенности и ускорении не всегда столь однозначно находят эмпирическое подтверждение. Географическая мобильность и темпоральная гибкость оказываются не единственными возможными стратегиями выстраивания профессиональной карьеры: мы находим и ситуативную вариативность решений при распределении личного и рабочего времени, и структурирование времени на рабочем месте.

Материалы интервью позволяют проследить, где излишняя гибкость занятости перестает быть преимуществом и нуждается в упорядоченности: в распоряжении временем она может приводить к трудностям в синхронизации работы всей команды и получении контролируемого результата. В качестве альтернативы мобильности программисты могут выбирать стабильное трудоустройство в одной компании, четкие графики работы и разделение времени на рабочее и личное.

В ответ на глобальное ускорение и интенсивную мобильность, которые считаются общепрофессиональной нормой, информанты намеренно ищут возможности выстраивать карьеру с учетом баланса рабочего и личного времени. Наряду с выбором гибкого графика они готовы высвобождать время для досуговых практик, которые структурируют рабочее и личное время. Намеренный уход от ускорения — одна из ответных тенденций “быстрому капитализму” (Wajzman 2015) — находит свое эмпирическое подтверждение в профессиональной среде ИТ-специалистов. Таким образом, вариативность практик обращения со временем во многом зависит от представлений об эффективном его использовании, разделяемых в конкретных социокультурных контекстах.

Благодарности

Авторы выражают благодарность редакторам подборки за помощь в подготовке статьи и Любаве Шагохиной за предоставленные полевые материалы. А.Ю. Контарева благодарит Европейский университет в Санкт-Петербурге и программу Фулбрайта для аспирантов за поддержку в написании статьи.

Примечания

¹ Проект “Russian Computer Scientists at Home and Abroad” реализовывался в Центре исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ (Постановление № 220, договор № 14.U04.31.0001).

² Интервью были собраны участниками проекта Александрой Масальской (Владивосток), Алиной Контаревой (Казань), Любовью Шатохиной (Финляндия), Лилией Земнуховой (Лондон). Полные тексты некоторых интервью доступны на официальном сайте проекта “Russian Computer Scientists” (<http://rcs.eu.spb.ru>).

³ В нашем исследовании мы оставляем за рамками гендерный аспект представлений и практик распоряжений временем в ИТ-сфере в качестве перспективы для дальнейших сравнительных исследований.

⁴ Rhonda Software. Официальный сайт компании. <http://rhondasoftware.com/our-services/case-studies> (дата обращения: 09.08.2017).

⁵ Петиция в Государственный Совет Республики Татарстан “Смена часового пояса в Республике Татарстан”. <https://www.change.org> (дата обращения: 18.07.2017).

⁶ Инициатива № 16P36710 “Изменить часовой пояс Республики Татарстан на МСК+2”. 18.07.2017. <https://www.roi.ru/36710>

⁷ К схожим выводам о важности эффективного использования времени среди ИТ-специалистов приходят авторы исследования: *Куницман и др.* 2018. Критический подход к трате времени приводит к тому, что ИТ-специалисты отказываются от пользования социальными сетями.

Источники и материалы

ПМА 1 — Полевые материалы А. Масальской. Владивосток, 2014 г.

ПМА 2 — Полевые материалы А. Контаревой. Казань, 2013–2015 гг.

ПМА 3 — Полевые материалы Л. Шатохиной. Хельсинки, Эспоо, 2013–2015 гг.

ПМА 4 — Полевые материалы Л. Земнуховой. Лондон, 2013–2015 гг.

Научная литература

Земнухова Л.В. ИТ-специалисты на мировом рынке: стратегии миграции и использование языка (на примере русских в Лондоне) // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 154–163.

Контарева А.Ю. Как госзаказ влияет на инновационные системы российских регионов (случай Республики Татарстан) // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 164–177.

Куницман А., Богданова Е.О., Пономарева Э.Я., Щетвина А.А. Отказ и ограничение использования интернета в среде российских ИТ-специалистов // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 144–164.

Agger B. Speeding Up Fast Capitalism: Internet Culture, Work, Families, Food, Bodies. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.

Alzoubi Y.I., Gill A.Q., Al-Ani A. Empirical Studies of Geographically Distributed Agile Development Communication Challenges: A Systematic Review // Information & Management. 2016. No. 53 (1). P. 22–37.

Aneesh A. Virtual Migration: The Programming of Globalization. Durham: Duke University Press, 2006.

Barley S.R. Technicians in the Workplace: Ethnographic Evidence for Bringing Work into Organizational Studies // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41. No. 3. P. 404–441.

Barrett R. Management, Labour Process and Software Development: Reality Bites. L.: Routledge, 2004.

Baxter V., Kroll-Smith S. Normalizing the Workplace Nap: Blurring the Boundaries between Public and Private Space and Time // Current Sociology. 2005. Vol. 53 (1). P. 33–55.

Bluedorn A.C. The Human Organization of Time: Temporal Realities and Experience. Stanford: Stanford University Press, 2002.

Carmel E., Agarwal R. Tactical Approaches for Alleviating Distance in Global Software Development // IEEE Software. 2001. Vol. 18 (2). P. 22–29.

- Gershuny J.* Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Gleick J.* Faster: The Acceleration of Just About Everything. N.Y.: Pantheon Books, 1999.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Conditions of Cultural Change. Oxford: Blackwell Publishers, 1990.
- Hochschild A.* The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work. N.Y.: Metropolitan Books, 1997.
- Jacobs J.A., Gerson K.* Understanding Changes in American Working Time: A Synthesis // Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life / Eds. C.F. Epstein, A.L. Kalleberg. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2004. P. 25–45.
- Kenney M., Patton D.* The Coevolution of Technologies and Institutions: Silicon Valley as the Iconic High-Technology Cluster // Cluster Genesis: Technology-Based Industrial Development / Eds. P. Braunerhjelm, M. Feldman. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 38–60.
- Kocaguneli E., Zimmermann T., Bird C., Nagappan N., Menzies T.* Distributed Development Considered Harmful? // 35th International Conference on Software Engineering (ICSE), IEEE. 2013. P. 882–890.
- Kontareva A.* Kazan Connected: “IT-ing” Up a Province // From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times / Eds. M. Biagioli, V. Lepinay. Durham: Duke University Press, 2019. P. 145–167.
- Kreitzman L.* The 24 Hour Society. L.: Profile Books, 1999.
- Kuptsch C., Pang E.F.* (eds.). Competing for Global Talent. Geneva: International Labour Organization, 2006.
- Masalskaya A., Vasilyeva Z.* At the Periphery of the Empire: Recycling Japanese Cars into Vladivostok’s IT Community // From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times / Eds. M. Biagioli, V. Lepinay. Durham: Duke University Press, 2019. P. 113–145.
- Nguyen-Duc A., Cruzes D.S., Conradi R.* The Impact of Global Dispersion on Coordination, Team Performance and Software Quality: A Systematic Literature Review // Information and Software Technology. 2015. Vol. 57. P. 277–294.
- Nordio M., Estler H.C., Meyer B., Tschannen J., Ghezzi C., Di Nitto E.* How Do Distribution and Time Zones Affect Software Development? A Case Study on Communication // 6th IEEE International Conference Global Software Engineering (ICGSE). 2011. P. 176–184.
- Nowotny H.* Time: The Modern and Postmodern Experience. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015.
- Rosa H.* Social Acceleration: A New Theory of Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 2013.
- Rosa H.* Social Acceleration: Ethical and Political Consequences of a Desynchronized High-Speed Society // Constellations. 2003. Vol. 10 (1). P. 3–33.
- Rosa H., Scheuerman W.E.* (eds.). High-Speed Society: Social Acceleration, Power, and Modernity. University Park: Penn State Press, 2009.
- Sarker S., Sahay S.* Implications of Space and Time for Distributed Work: An Interpretive Study of US-Norwegian Systems Development Teams // European Journal of Information Systems. 2004. Vol. 13 (1). P. 3–20.
- Saxenian A.* Regional Advantage. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Saxenian A.* The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
- Schor J.* The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure. N.Y.: Basic Books, 1991.
- Schwalbe K.* Information Technology Project Management. Boston: Cengage Learning, 2015.
- Shatokhina L.* Russian Programmers in Finland: Self-Presentation in Migration Narratives // From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times / Eds. M. Biagioli, V. Lepinay. Durham: Duke University Press, 2019. P. 347–365.
- Wajcman J.* Life in the Fast Lane? Towards a Sociology of Technology and Time // The British Journal of Sociology. 2008. Vol. 59 (1). P. 59–77.
- Wajcman J.* Pressed for Time. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Williams S.J.* The Politics of Sleep: Governing (Un)consciousness in the Late Modern Age. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.
- Xiang B.* Global “Body Shopping”: An Indian Labour System in the Information Technology Industry. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Research Article

Kontareva, A. Yu., A.I. Masalskaya, and L.V. Zemnukhova. Local Time of the Global IT: The Time Perception of Russian Software Developers at Home and Abroad [Lokal'noe vremia mirovogo IT: o vospriatii vremeni russkimi programmistami v Rossii i za rubezhom]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 3, pp. 62–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150005294-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alina Kontareva | <https://orcid.org/0000-0002-0609-8374> | akontareva@gmail.com | National Research Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia)

Aleksandra Masalskaya | <https://orcid.org/0000-0001-9845-1886> | amasalskaya@eu.spb.ru | independent researcher (St. Petersburg, Russia)

Liliia Zemnukhova | <https://orcid.org/0000-0002-2938-3629> | l.zemnukhova@gmail.com | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

time perception, science and technology studies, STS, regional ethnography, information technologies, migration

Abstract

The article examines the issue of time perception among Russian software developers. The research rests on biographical interviews conducted in Kazan, Vladivostok, London and two cities in Finland — Helsinki, and Espoo. The empirical data expounded in the article question the idea of accelerated time perception and universality of the “fast capitalism” concept that has been discussed in scholarly literature. The research illustrates the diversity of time perceptions and practices of time management among Russian IT-specialists. These practices depend on the idea of “effective use of time”, specific to each sociocultural context.

References

- Agger, B. 2004. *Speeding Up Fast Capitalism: Internet Culture, Work, Families, Food, Bodies*. Boulder: Paradigm Publishers.
- Alzoubi, Y.I., A.Q. Gill, and A. Al-Ani. 2016. Empirical Studies of Geographically Distributed Agile Development Communication Challenges: A Systematic Review. *Information & Management* 53 (1): 22–37.
- Aneesh, A. 2006. *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham: Duke University Press.
- Barley, S.R. 1996. Technicians in the Workplace: Ethnographic Evidence for Bringing Work into Organizational Studies. *Administrative Science Quarterly* 41 (3): 404–441.
- Barrett, R. 2004. *Management, Labour Process and Software Development: Reality Bites*. London: Routledge.
- Baxter, V., and S. Kroll-Smith. 2005. Normalizing the Workplace Nap: Blurring the Boundaries between Public and Private Space and Time. *Current Sociology* 53 (1): 33–55.
- Bluedorn, A.C. 2002. *The Human Organization of Time: Temporal Realities and Experience*. Stanford: Stanford University Press.
- Carmel, E., and R. Agarwal. 2001. Tactical Approaches for Alleviating Distance in Global Software Development. *IEEE Software* 18 (2): 22–29.
- Gershuny, J. 2000. *Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Gleick, J. 1999. *Faster: The Acceleration of Just About Everything*. New York: Pantheon Books.
- Harvey, D. 1990. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Conditions of Cultural Change*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Hochschild, A. 1997. *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*. New York: Metropolitan Books.

- Jacobs, J.A., and K. Gerson. 2004. Understanding Changes in American Working Time: A Synthesis. In *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, edited by C.F. Epstein and A.L. Kalleberg, 25–45. New York: Russell Sage Foundation.
- Kenney, M., and D. Patton. 2006. The Coevolution of Technologies and Institutions: Silicon Valley as the Iconic High-Technology Cluster. In *Cluster Genesis: Technology-Based Industrial Development*, edited by P. Braunerhjelm and M. Feldman, 38–60. Oxford: Oxford University Press.
- Kocaguneli, E., T. Zimmermann, C. Bird, N. Nagappan, and T. Menzies. 2013. Distributed Development Considered Harmful? 35th *International Conference on Software Engineering (ICSE)*, *IEEE*: 882–890.
- Kontareva, A.Yu. 2015. Kak goszakaz vliyaet na innovatsionnie sistemy rossijskikh regionov (sluchaj Respubliki Tatarstan) [How State Orders Affect the Innovation Systems of the Russian Regions (Case of the Republic of Tatarstan)]. *Sociologiya nauki i tekhnologii* 6 (4): 164–177.
- Kontareva, A. 2019. Kazan Connected: “IT-ing” Up a Province. In *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*, edited by M. Biagioli and V. Lepinay, 145–167. Durham: Duke University Press.
- Kreitzman, L. 1999. *The 24 Hour Society*. London: Profile Books.
- Kuntsman, A., E.O. Bogdanova, E.Ya. Ponomareva, and A.A. Shchetvina. 2018. Disengagement from Internet Usage among Russian IT Professionals. *Sotsiologiya vlasti* 30 (3): 144–164.
- Kuptsch, C., and E.F. Pang, eds. 2006. *Competing for Global Talent*. Geneva: International Labour Organization.
- Masalskaya, A., and Z. Vasilyeva. 2019. At the Periphery of the Empire: Recycling Japanese Cars into Vladivostok’s IT Community. In *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*, edited by M. Biagioli and V. Lepinay, 113–145. Durham: Duke University Press.
- Nguyen-Duc, A., D.S. Cruzes, and R. Conradi. 2005. The Impact of Global Dispersion on Coordination, Team Performance and Software Quality: A Systematic Literature Review. *Information and Software Technology* 57: 277–294.
- Nordio, M., H.C. Estler, B. Meyer, J. Tschannen, C. Ghezzi, and E. Di Nitto. 2011. How Do Distribution and Time Zones Affect Software Development? A Case Study on Communication. 6th *IEEE International Conference Global Software Engineering (ICGSE)*: 176–184.
- Nowotny, H. 2015. *Time: The Modern and Postmodern Experience*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Rosa, H. 2003. Social Acceleration: Ethical and Political Consequences of a Desynchronized High-Speed Society. *Constellations* 10 (1): 3–33.
- Rosa, H. 2013. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Rosa, H., and W.E. Scheuerman, eds. 2009. *High-Speed Society: Social Acceleration, Power, and Modernity*. University Park: Penn State Press.
- Sarker, S., and S. Sahay. 2004. Implications of Space and Time for Distributed Work: An Interpretive Study of US-Norwegian Systems Development Teams. *European Journal of Information Systems* 13 (1): 3–20.
- Saxenian, A. 1996. *Regional Advantage*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Saxenian, A. 2007. *The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schor, J. 1991. *The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure*. New York: Basic Books.
- Schwalbe, K. 2015. *Information Technology Project Management*. Boston: Cengage Learning.
- Shatokhina, L. Russian Programmers in Finland: Self-Presentation in Migration Narratives. In *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*, edited by M. Biagioli and V. Lepinay, 347–365. Durham: Duke University Press.
- Wajcman, J. 2008. Life in the Fast Lane? Towards a Sociology of Technology and Time. *The British Journal of Sociology* 59 (1): 59–77.
- Wajcman, J. 2015. *Pressed for Time*. Chicago: University of Chicago Press.
- Williams, S.J. 2011. *The Politics of Sleep: Governing (Un)consciousness in the Late Modern Age*. New York: Palgrave Macmillan.
- Xiang, B. 2007. *Global “Body Shopping”: An Indian Labour System in the Information Technology Industry*. Princeton: Princeton University Press.
- Zemnukhova, L.V. 2015. IT-spezialisti na mirovom rinke: strategii migratsii i ispolzovanie yazika (na primere russkikh v Londone) [IT Specialists in the Global Market: Migration Strategies and Language Use (The Example of Russians in London)]. *Sociologiya nauki i tekhnologii* 6 (4): 154–163.